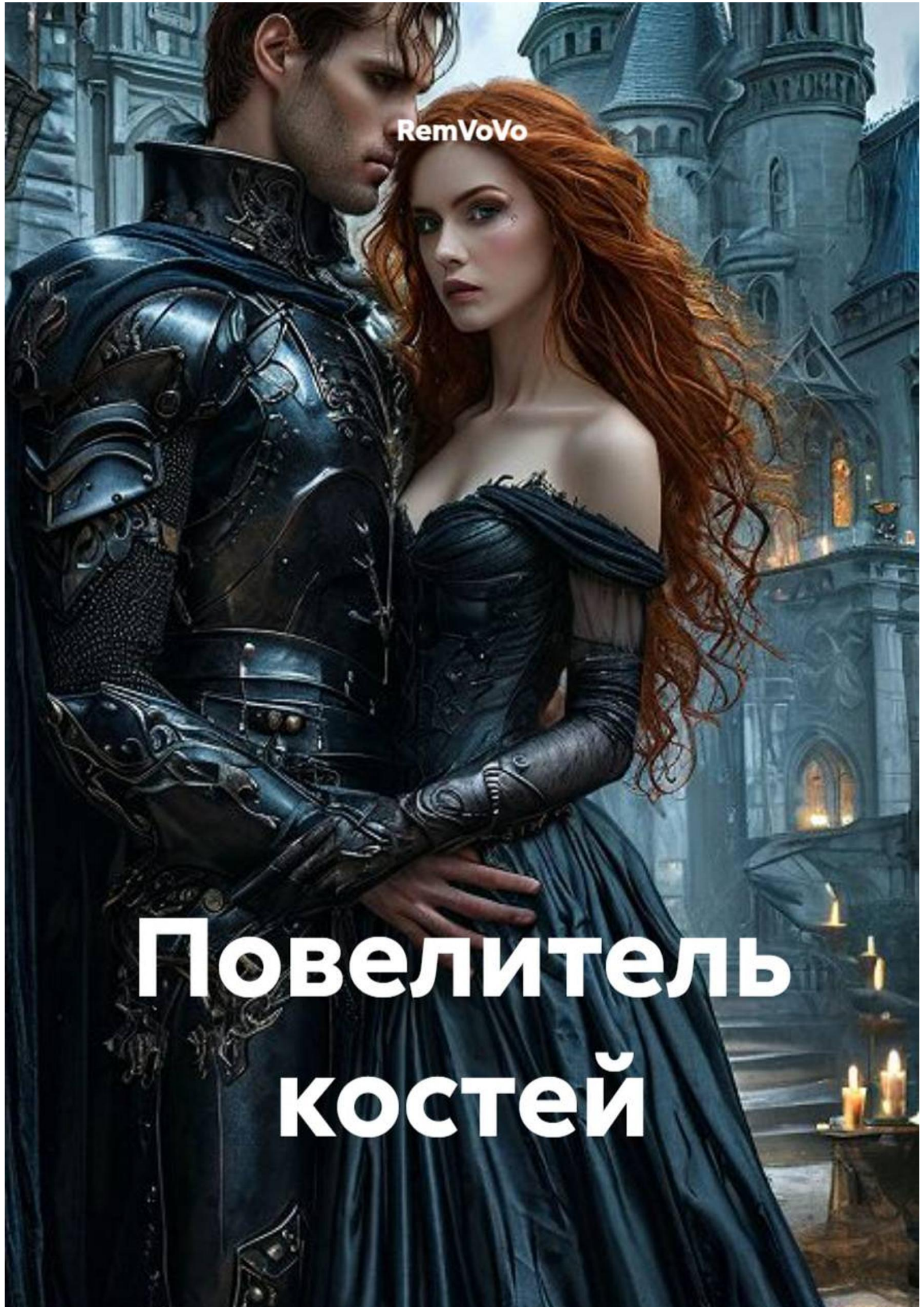

RemVoVo

Повелитель костей

RemVoVo

Повелитель костей

«Автор»

2026

RemVoVo

Повелитель костей / RemVoVo — «Автор», 2026

Она была его рабыней. Она стала его королевой. Элиана — дочь разорившегося барона, проданная в рабство за долги отца. Её покупает лорд Ашерон Вульфгар — жестокий некромант, правитель проклятого Некрополя, который не помнит своего прошлого. Он — воплощение тьмы, она — свет, который не боится сгореть. Элиана ненавидит его. Но в его холодных глазах она видит не монстра, а человека, сломленного предательством и болью. Она решает: она изменит его. Она заставит его вспомнить, кто он, и полюбить себя. Даже если для этого ей придётся войти в самую глубину его тьмы. Опасная игра власти и подчинения, ненависти и страсти, боли и исцеления. Сможет ли любовь победить тьму? Или монстр останется монстром? Тёмный роман для тех, кто верит, что даже в самой глубокой тьме можно найти свет.

© RemVoVo, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Рабыня	5
Глава 2 Повелитель	9
Глава 3 Первая ночь	12
Глава 4 Теневой дозор	15
Глава 5 Побег	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

RemVoVo

Повелитель костей

Глава 1 Рабыня

Холод просыпался первым. Раньше, чем боль, раньше, чем страх, раньше, чем осознание того, что она снова жива, хотя каждый день молилась о смерти. Холод проникал сквозь тонкую ткань рубахи, сквозь рваный плащ, который когда-то был её единственным спасением от ветра, а теперь превратился в лохмотья. Холод впивался в босые ступни, в запястья, где кожа уже стёрлась до крови от металлических браслетов.

Элиана открыла глаза и сразу пожалела об этом. Потолок был низким, каменным, покрытым чёрной плесенью, которая разрасталась по углам, словно сама тьма прорастала сквозь стены. Воздух был тяжёлым — смесь сырости, старой крови и чего-то сладковатого, что могло быть только тленом. Она сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, и медленно села на своей соломенной подстилке, единственном предмете мебели в этой камере.

Цепи звякнули, когда она шевельнулась. Металлические кольца на лодыжках были прикованы к стене — не слишком коротко, чтобы она могла дотянуться до ведра с водой и глиняной миски, но достаточно, чтобы она не могла сделать больше десяти шагов. Восемь месяцев она была здесь. Восемь месяцев она отсчитывала дни по царапинам на стене — сто восемьдесят семь царапин, если она не сбилась со счёта.

Восемь месяцев назад она была дочерью барона. Богатого, не слишком влиятельного, но достаточно уважаемого, чтобы её не замечали, когда она гуляла по родовому поместью. Она помнила запах цветущего жасмина летними вечерами, помнила, как отец гладил её по голове и говорил, что она — его сокровище. Помнила смех матери, который звучал как колокольчик. Помнила день, когда всё рухнуло.

Отец проиграл состояние в карты. Сначала он пытался скрыть это, занимал деньги у ростовщиков, продавал земли, но долги росли, как снежный ком. Когда кредиторы пришли в поместье с мечами и факелами, они забрали всё. И её тоже. Она не помнила, как её продавали — только холодные руки, грубый голос, мешок на голове и долгую дорогу, которая длилась недели, пока она не оказалась на рынке рабов в столице Этернума.

Её выставили на продажу, как кусок мяса. Кто-то шупал её руки, кто-то смотрел зубы, кто-то оценивал её, как скотину. Она смотрела в лицо отца, который стоял в толпе, опустив голову, и в его глазах не было ни слезы, ни надежды. Он предал её. Он продал её, потому что был слаб. И это было последним, что она запомнила о той жизни.

А потом появился он. Лорд Ашерон Вульфгар. Она слышала его имя раньше, как слышат имя бури, которая сметает всё на своём пути. Некромант. Повелитель мёртвых. Хозяин Некрополя — самого проклятого места в королевстве, где даже птицы не поют, а деревья растут вниз корнями, потому что земля там пропитана магией смерти. О нём ходили слухи — что он не человек, что он оживший мертвец, что он пьёт кровь младенцев и заставляет души мучиться вечно. Она не знала, правда ли это. Но когда он остановился перед её клеткой и посмотрел на неё своими серыми глазами, которые были холоднее льда, она поняла: этот человек не знает жалости.

Он не смотрел на её тело, как другие торговцы. Он смотрел в глаза. И улыбнулся. Она запомнила эту улыбку — кривую, почти злую, но не жестокую. Скорее печальную. Как будто он узнал её, но не мог вспомнить, откуда.

Он купил её за тридцать золотых. Торговался, к удивлению продавца, хотя мог заплатить в десять раз больше. Он взял её за руку, холодной ладонью сжал её пальцы и сказал только

одно слово: «Идём». И она пошла. Потому что не было другого выбора. Клеймо раба не давало другого выбора.

Теперь она сидела в этой камере уже два месяца — с тех пор, как её привезли в Некрополь. Два месяца она ждала, когда он придёт. Она видела его только один раз за это время — в тот первый день, когда он привёл её в замок. Он отдал её надзирателю, старой карге с жёлтыми глазами и железной палкой, и сказал: «Она моя. Чтобы жива была. Чтобы не сбежала». И всё. С тех пор она видела только стены, цепи и миску с жидкой похлёбкой, которую приносили утром и вечером.

Она слышала крики из других камер. Значит, она была не одна. Но кто эти люди, она не знала. Она знала только то, что Некрополь — это тюрьма, из которой нет выхода. Стены здесь были не просто каменными — они были зачарованы. В них чувствовалась магия — холодная, живая, пульсирующая, словно сама земля дышала смертью. Элиана не была магом, но она чувствовала эту энергию, как чувствуют приближение грозы.

Она поднялась на ноги, насколько позволяли цепи, и подошла к маленькому окошку, которое было так высоко, что она могла видеть только клочок неба, серого и низкого, словно свинцовое покрывало. Она смотрела на него каждый день, пытаясь представить, что когда-нибудь она выйдет отсюда. Но с каждым днём мечта угасала, как свеча на сквозняке.

Вдруг она услышала шаги. Тяжёлые, чеканные, уверенные. Не шаги надзирательницы — та ходила мелкими, семенящими шажками, шаркая ногами по полу. Это были шаги мужчины. Сильного, высокого. Она замерла, прислушиваясь. Шаги приближались, и вместе с ними приближался холод. Она чувствовала, как воздух становится плотнее, как камни в стенах начинают вибрировать, как в груди появляется тяжесть, словно чья-то рука сжимает её сердце.

Она вжалась в стену, глядя на дверь. Металлическая решётка была заперта на тяжёлый замок, который открывался только особым ключом, но она знала, что для него замки не имеют значения. Он мог пройти сквозь стены, если бы захотел.

Дверь отворилась с лязгом. На пороге стоял он.

Лорд Ашерон Вульфгар был выше, чем она запомнила. Его плечи заполняли дверной проём, а длинные чёрные волосы падали на плечи, сливаясь с плащом, который был таким же чёрным, как беззвёздная ночь. Его лицо было бледным, слишком бледным для живого человека — сероватый оттенок кожи придавал ему сходство с мраморной статуей. Глаза — серые, холодные, с серебряными искрами, которые вспыхивали и гасли, когда он смотрел на неё. На его правой скуле был тонкий шрам — единственное несовершенство на этом безупречно красивом лице.

Он был красив. Это раздражало её больше всего. Она ненавидела его за эту красоту, за то, что он мог быть ангелом, если бы не был демоном.

Он вошёл в камеру, и она почувствовала, как стены сжимаются вокруг неё. Он занял всё пространство собой, своим холодом, своей властью. Он закрыл за собой дверь, и она услышала, как замок щёлкнул, отрезая ей путь к побегу. Впрочем, пути к побегу у неё никогда и не было.

— Ты, — сказал он, глядя на неё.

Голос его был низким, хрипловатым, с вибрацией, которая отдавалась где-то в груди сжимая душу. Он смотрел на неё так же, как на рынке — с любопытством и странной узнаваемостью, которая пугала её больше, чем его магия.

— Ты не боишься меня, — сказал он, и это не было вопросом. Это было утверждение.

— Я боюсь вас, — ответила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я боюсь вас так же, как боюсь смерти. Но я не буду умолять о пощаде. Я не буду целовать вам ноги. Я не буду делать вид, что вы мне нравитесь. Я ненавижу вас.

Он улыбнулся той же кривой улыбкой, которую она запомнила. И в этой улыбке было что-то, что заставило её сердце биться быстрее, хотя она не понимала, почему. Может быть,

потому что он улыбался так, будто она сказала ему что-то приятное. Будто ненависть была для него даром.

— Хорошо, — сказал он. — Я тоже ненавижу тебя. Ты ненавидишь меня за то, что я купил тебя. Я ненавижу тебя за то, что ты смотришь на меня так, как будто я человек. Ты видишь во мне то, чего нет. Это раздражает.

Он шагнул вперёд, и она отшатнулась, упершись спиной в стену. Он подошёл к ней так близко, что она чувствовала его дыхание — холодное, без запаха, как у мёртвого. Он взял её за подбородок, и его пальцы были ледяными. Он повернул её голову к себе, разглядывая её лицо, будто изучал карту.

— У тебя рыжие волосы, — сказал он тихо. — Странно. Я думал, я больше никогда не увижу рыжих волос.

Она не поняла, что он имел в виду, но что-то в его голосе заставило её замереть. Была в нём грусть — такая же глубокая, как и его холод. Она видела это только на мгновение, а потом он снова стал тем, кем был: безжалостным повелителем Некрополя.

— Ты будешь жить, — сказал он, отпуская её. — Ты будешь жить здесь, в моём замке. Ты будешь работать. Ты будешь видеть меня каждый день. И ты узнаешь, что такое настоящая тьма. Потому что то, что ты видела в своей жизни, это лишь тень. А я — это тьма.

Он повернулся и вышел из камеры, не оглядываясь. Дверь захлопнулась, и Элиана осталась одна, чувствуя, как дрожат её колени. Она опустилась на пол, обхватив себя руками, и поняла, что впервые за восемь месяцев у неё выступили слёзы. Она плакала не от страха. Она плакала от того, что в его глазах она увидела что-то, что не должна была видеть — нечто человеческое. И это пугало её сильнее, чем его магия.

На следующее утро её отковали от стены. Надзирательница, старая карга с жёлтыми глазами, вошла в камеру с ключами и щипцами и, не говоря ни слова, освободила её лодыжки. Элиана не поверила своим глазам. Она стояла, покачиваясь на слабых ногах, и чувствовала, как кровь возвращается в затёкшие ноги.

— Что происходит? — спросила она.

— Лорд приказал перевести тебя в верхний этаж, — проскрипела надзирательница. — Ты будешь служить в его покоях. Не знаю, чем ты ему угодила, но удачи тебе. Я ещё не видела, чтобы кто-то выходил оттуда живым.

Элиана не знала, что это значит — служить в покоях лорда. Она представляла, что её будут использовать для грязной работы, для уборки, для тяжёлого труда. Но когда её привели в верхний этаж замка, она увидела совсем другое. Это был не замок — это был дворец. С высокими потолками, сводчатыми окнами, через которые лился серый свет, с коврами, на которых было мягко ступать, с каминами, в которых горел огонь, хотя дров не было видно. Воздух здесь был другим — сухим, тёплым, с запахом воска и старых книг.

Её отвели в комнату, которая была рядом с покоями лорда. Маленькая, но чистая. С кроватью, на которой были настоящие простыни. Она посмотрела на них и не поверила своим глазам. Она так долго спала на соломе, что мягкая ткань казалась ей чудом.

Но её радость длилась недолго. Она знала, что это не милость. Это была новая игра. Он хотел приблизить её, чтобы было легче ломать.

Вечером её позвали в его покои. Она вошла, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Он сидел в кресле у камина, держа в руках старую книгу в кожаном переплёте. Он не поднял головы, когда она вошла, но она знала, что он чувствует её присутствие. Воздух вокруг него вибрировал, и это была не просто магия, а что-то более личное.

— Подойди, — сказал он.

Она подошла. Он всё ещё не смотрел на неё. Он читал книгу, перелистывая страницы с медленной, почти ритуальной задумчивостью. Она стояла в трёх шагах от него, чувствуя себя так, словно она была чем-то незначительным, вроде табуретки.

— Что ты чувствуешь сейчас? — спросил он неожиданно.

— Ненависть, — ответила она.

— К чему?

— К вам. К себе. К этому миру, который позволил вам стать тем, кем вы стали.

Он закрыл книгу и поднял на неё глаза. Они были серыми, глубокими, и в них она снова увидела ту же странную печаль.

— Ты смелая, — сказал он. — Слишком смелая для рабыни. Ты не боишься смерти, но ты боишься меня. Почему?

— Потому что вы не знаете, что такое любовь, — ответила она, не зная, откуда в ней взялись эти слова и такая храбрость. — Вы знаете только власть и боль. Но любовь для вас — это слабость. И вы боитесь, что я могу научить вас любви.

Он засмеялся. Коротко, резко, безрадостно.

— Научить меня любви? — переспросил он. — Ты, рабыня, которая не знает, что такое настоящая тьма? Я видел такие вещи, от которых твоя любовь сгорела бы в огне. Я был там, куда не доходит свет. Я не человек, Элиана. Я — монстр. И я не хочу, чтобы меня любили. Я хочу, чтобы меня боялись. Потому что страх — это единственное, что работает всегда.

Он встал и подошёл к ней. Она замерла, чувствуя, как его холодное дыхание касается её лица.

— Но ты не боишься меня, — сказал он. — Ты ненавидишь меня. И это не одно и то же. Ты будешь здесь до тех пор, пока я не решу, что с тобой делать. А теперь уходи. Я позову, когда ты понадобишься.

Она вышла из его покоев, чувствуя, как её ноги дрожат. Она не понимала, что с ней происходит. Она должна была бояться его, должна была ненавидеть. Но почему-то она хотела остаться. Она хотела узнать, что скрывается за его холодной маской. Она хотела увидеть человека, который плакал бы, если бы мог.

И в тот момент она поняла, что её ненависть начала превращаться в нечто другое. Что она не может объяснить словами. И это было страшнее, чем любой приговор, который он мог бы ей вынести.

Глава 2 Повелитель

Она не спала всю ночь. Лежала на мягкой постели, в чистой комнате, с теплым одеялом, и не могла сомкнуть глаз. Слишком много мыслей роилось в голове, слишком много противоречивых чувств. Она ненавидела его. Да, определенно ненавидела. Но эта ненависть была странной — она жгла изнутри, но не оставляла ожогов. Она придавала сил, а не отнимала их. И впервые за долгие месяцы она чувствовала не просто желание выжить, а желание бороться.

Она смотрела в потолок, разглядывая трещины на камне, и думала о том, что произошло в его покоех. О том, как он говорил о тьме. О том, как он смотрел на неё так, словно она была не просто рабыней, а чем-то большим. И о том, что он засмеялся, когда она сказала, что может научить его любви. Этот смех задел её больше, чем любой удар плетью. Он смеялся над её наивностью, над её глупой верой в то, что даже монстра можно спасти. Но она знала, что если она сдастся, если перестанет верить, она умрет. Не физически — он не убивал её, хотя мог. Она умрет душой.

Наутро её разбудил стук в дверь. Вошла служанка — молодая девушка с бледным лицом и испуганными глазами. Она принесла кувшин с тёплой водой и новое платье — серое, простое, но не рваное.

— Господин приказал одеть вас к завтраку, — сказала она, не глядя на Элиану. — Он ждёт в большом зале.

Элиана умылась, оделась и почувствовала себя почти человеком. Она вышла из комнаты и пошла по коридору, разглядывая замок, который вчера видела только мельком. Некрополь был страшным, но величественным. Стены были украшены старыми гобеленами, на которых были изображены сцены битв и охоты. Колонны были вырезаны в форме черепов, которые смотрели на неё пустыми глазницами. Факелы горели синим пламенем, и свет от них был холодным, почти призрачным. Но даже в этом холоде чувствовалась какая-то странная красота.

Большой зал был огромным — с высоким сводчатым потолком, с длинным столом, за которым могло уместиться пятьдесят человек, и с камином, в котором горел синий огонь. Лорд Ашерон сидел во главе стола, один. Перед ним стоял серебряный кубок и тарелка с хлебом, но он не прикасался к еде. Он смотрел на огонь, и его лицо было таким же непроницаемым, как и всегда.

Она вошла, и он поднял на неё глаза.

— Садись, — сказал он, указывая на стул слева от себя.

Она села. Между ними было расстояние, но она чувствовала его холод, как чувствуешь приближение зимы за несколько дней до первого снега.

— Ты выглядишь лучше, — сказал он. — Чистая одежда, умытое лицо. Почти человек.

— Я человек, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Ты была человеком, — поправил он. — В тот момент, когда я купил тебя, ты перестала быть человеком. Ты стала моей собственностью. Моей вещью. Я могу делать с тобой всё, что захочу.

— Тогда почему вы этого не делаете? — спросила она. — Я в вашей власти. Вы могли бы наказать меня за дерзость. Я бы даже не удивилась, если бы вы убили меня, как убили тех рабов, что кричат в подземельях. Но вы не делаете этого. Почему?

Он не ответил. Он просто смотрел на неё, и она чувствовала, как его взгляд проникает сквозь неё, как она прозрачная. Он взял кубок, отпил немного вина и поставил обратно.

— Потому что ты интересна мне, — сказал он наконец. — Ты не боишься. Ты не умоляешь. Ты ненавидишь меня, но ты смотришь на меня так, как будто видишь что-то, чего нет. Ты видишь во мне человека. Я хочу понять, почему.

— Может быть, потому что я вижу то, что вы скрываете, — ответила она, не отводя взгляда. — Вы говорите, что вы монстр, но монстры не ищут понимания. Монстры не задают вопросов. Они просто убивают. Вы же ищете что-то. Я не знаю что. Но я вижу это.

Он усмехнулся — коротко, безрадостно, как вчера.

— Ты думаешь, что можешь изменить меня, — сказал он. — Ты думаешь, что твоя любовь сможет растопить лёд. Но ты ошибаешься. Я не заслуживаю любви. Я не заслуживаю спасения. Я сломан так, что ты даже не представляешь.

Он встал из-за стола и подошёл к камину. Синее пламя отражалось в его глазах, и они казались почти живыми.

— Ты хочешь узнать, почему я такой? — спросил он, не оборачиваясь. — Почему я не помню своего прошлого? Почему я — тот, кто я есть?

— Да, — сказала она, чувствуя, как сердце замирает.

Он повернулся к ней, и в его глазах была такая глубокая тоска, что у неё перехватило дыхание.

— Я не помню, кто я был, — начал он, и его голос стал тише, почти шёпотом. — Я помню только боль. Я помню, как горел. Я помню, как кричал, когда огонь пожирал мою плоть. Я помню запах собственного мяса, которое горело. И я помню, что после того, как я умер, я очнулся. Я очнулся на каменном столе, в морге, среди других мёртвых тел. Я не знал, как я там оказался. Я не знал, почему я не умер. Я просто встал и пошёл. Я шёл долго, пока не добрался до Некрополя. И здесь я нашёл своё место. Потому что здесь смерть была моей стихией.

Он замолчал, и Элиана почувствовала, как по её спине пробежал холодок. Она пыталась представить это — боль, смерть, воскрешение без памяти. Как можно жить с этим?

— Вы не знаете, кто вас предал? — спросила она.

— Нет, — ответил он. — Я не знаю, кто меня предал. Я не знаю, кто меня сжёг. Я не знаю, был ли я человеком или зверем. Я не знаю ничего. И это хуже, чем знать правду. Потому что я не могу никому отомстить. Я не могу никого простить. Я просто живу с этой пустотой внутри себя.

Он подошёл к ней и остановился прямо перед ней. Она чувствовала его холодное дыхание, видела, как его глаза ищут что-то в её лице.

— Я никогда не любил, — сказал он. — Я не знаю, как это. Но с тобой я чувствую что-то, чего не чувствовал ни с кем. Я не знаю, что это. Может быть, это просто любопытство. Может быть, это жажда. Я не знаю. Но я хочу выяснить.

Он протянул руку и коснулся её щеки. Его пальцы были ледяными, и она вздрогнула, но не отшатнулась. Она смотрела в его глаза и видела в них не только холод, но и страх. Он боялся того, что она может с ним сделать. Он боялся, что она пробудит в нём что-то, что он похоронил глубоко внутри.

— Не бойтесь, — сказала она, и её голос был тихим, но твёрдым. — Я не собираюсь причинять вам боль. Я хочу помочь вам. Я хочу показать вам, что даже монстр может быть любим.

Он убрал руку и встал из-за стола, отступил на шаг. Его лицо снова стало непроницаемым.

— Ты наивна, — сказал он холодно. — Ты думаешь, что любовь может всё исправить. Но ты ошибаешься. Есть вещи, которые не исправить. Есть раны, которые не заживают. И есть люди, которые не заслуживают спасения.

Он повернулся к ней спиной и отошёл к окну. Элиана чувствовала, как между ними снова вырастает стена. Но она не собиралась сдаваться. Она видела, что за этой стеной скрывается человек, который просто боится быть слабым. И она была готова ждать столько, сколько потребуется.

— Я буду ждать, — сказала она, вставая. — Я буду ждать, пока вы не поймёте, что я говорю правду. Я не уйду. Я не сдамся.

Он не ответил. Он просто смотрел в окно, на серое небо, и она понимала, что внутри него идёт борьба. Между его тьмой и тем светом, который она пыталась в нём зажечь.

Она вышла из зала, оставляя его одного.

Следующие дни прошли в странном напряжении. Он не звал её. Он избегал её, как будто она была опасна. Она видела его только издалека — когда он проходил по коридорам, когда он сидел в библиотеке, когда он разговаривал со своими слугами. Он не смотрел на неё, но она чувствовала, что он знает о каждом её шаге.

Она начала изучать замок. Она находила тайные проходы, старые книги, забытые комнаты. Она узнала, что Некрополь был построен на руинах древнего храма, и что под замком есть катакомбы, где покоятся тысячи скелетов. Она спускалась туда иногда, когда никто не видел, и сидела в тишине, слушая, как ветер гуляет по старым коридорам и слушала истории что рассказывали ходячие скелеты. Поначалу она боялась их, но узнав их она приняла их и их истории.

Однажды, когда она сидела на ступенях в одной из подземных галерей, она услышала его голос.

— Что ты здесь делаешь?

Она обернулась. Он стоял в проходе, его плащ развевался от сквозняка, а глаза светились в темноте.

— Я исследую ваш замок, — ответила она. — Я хочу понять, кто вы.

— Мои тайны не для тебя, — сказал он, но в его голосе не было гнева. Было что-то близкое к усталости.

— Тогда расскажите мне что-то другое, — сказала она. — Расскажите, что вы чувствуете, когда поднимаете мёртвых. Это даёт вам силу? Или это даёт вам что-то другое?

Он подошёл к ней и сел на ступеньку рядом с ней. Она не ожидала этого. Он был так близко, что она чувствовала его холод.

— Это даёт мне покой, — сказал он тихо. — Когда я поднимаю мёртвых, я чувствую, что я не один. Я чувствую, что смерть — это не конец. Что есть что-то после. Что есть я.

Она не знала, что сказать. Она просто сидела рядом с ним и чувствовала, как его холодное присутствие становится чуть менее ледяным. Они сидели молча долго, и в этом молчании было что-то важное.

Глава 3 Первая ночь

Прошла ещё одна неделя. Элиана продолжала жить в верхних покоях замка, но её дни были заполнены странной монотонностью. Она убирала свои комнаты, читала старые книги из библиотеки, которую нашла случайно, гуляла по бесконечным коридорам Некрополя. И ждала. Она не знала, чего именно ждала — его приказа, его появления, его следующего шага. Но она знала, что он не забыл о ней. Она чувствовала его присутствие даже тогда, когда его не было рядом. Казалось, сам замок был наполнен его сущностью — холодной, властной, загадочной.

Вечером восьмого дня к ней в комнату вошла служанка с бледным лицом и дрожащими руками.

— Господин приказал вам явиться в его покои, — сказала она, не глядя в глаза. — Сейчас.

Элиана почувствовала, как её сердце пропустило удар. Она не знала, чего ожидать. Будет ли это наказание? Или продолжение того разговора у подземных ступеней? Она оделась в простое серое платье, которое дала ей служанка, и пошла через коридоры, стараясь унять дрожь в руках.

Его покои были такими же, как и в прошлый раз: высокие своды, синий свет от камина, запах старого воска и книг. Он стоял у окна, спиной к ней, и смотрел на ночной Некрополь. Она видела его отражение в стекле — бледное лицо, серые глаза, чёрные волосы, струящиеся по плечам. Он был прекрасен. Это было единственное слово, которое приходило ей на ум. Прекрасен и опасен, как ледяная скульптура, которая может разбиться от одного прикосновения.

— Ты пришла, — сказал он, не оборачиваясь.

— Вы приказали, — ответила она, чувствуя, как голос дрожит.

— Закрой дверь.

Она повиновалась. Когда щёлкнул замок, она услышала, как его дыхание стало более глубоким. Он повернулся и посмотрел на неё. И в его взгляде было что-то, чего она не видела раньше — голод. Не физический, не жестокий, а тот, который ищет ответы.

— Я хочу знать, что ты на самом деле чувствуешь, — сказал он, подходя ближе. — Ты говоришь, что ненавидишь меня. Но ты приходишь, когда я зову. Ты остаёшься, когда можешь уйти. Почему?

— Потому что вы не даёте мне уйти, — ответила она, стараясь сохранять спокойствие. — Вы мой хозяин. Если я ослушаюсь, вы можете убить меня.

— Ты не боишься смерти, — сказал он, останавливаясь в шаге от неё. — Я вижу это. Ты боишься чего-то другого. Ты боишься того, что я могу увидеть тебя настоящую.

Он протянул руку и коснулся её лица. Его пальцы были холодными, но она не дрогнула. Она смотрела в его глаза и чувствовала, как воздух вокруг них становится густым, почти осязаемым.

— Я хочу провести с тобой ночь, — сказал он, и в его голосе не было ни угрозы, ни приказа. Это было утверждение. Он давал ей выбор.

— Я не хочу этого, — ответила она, но её голос прозвучал слишком слабо.

— Ты лжёшь, — сказал он. — Я вижу это. Я чувствую это. Ты хочешь того же, чего хочу я. Ты просто боишься признаться.

Он взял её за руку и подвёл к кровати, которая стояла в центре комнаты. Она была огромной, с балдахином из чёрного шёлка, и на ней было белое шёлковое бельё, которое выглядело как облако. Элиана чувствовала, как её сердце колотится о рёбра, как ноги становятся ватными, как в голове проносятся тысяча мыслей, но ни одна из них не давала ей силы отступить.

— Я не буду принуждать тебя, — сказал он, садясь на край кровати. — Если ты скажешь «нет» прямо сейчас, я отпущу тебя, и ты вернёшься в свою комнату. Я никогда не прикоснусь

к тебе против твоей воли. Но если ты останешься, ты должна знать, что я не буду нежным. Я не умею быть нежным. Я умею только брать.

Она смотрела на него, и в его глазах она видела не только холод, но и что-то ещё. Страх. Он боялся, что она скажет «нет». Он боялся, что она уйдёт. Он боялся, что она откажется от него, как отказывались все остальные. И в этот момент она поняла: он не просто ищет рабыню. Он ищет того, кто не испугается его тьмы. Она сделала шаг вперёд.

— Я остаюсь, — сказала она, чувствуя, как её голос дрожит.

Он не улыбнулся. Он просто протянул руку и сжал её пальцы. Его прикосновение было холодным, но она не отстранилась. Она позволила ему подвести её к кровати и усадить на шёлк. Она смотрела, как он снимает свой плащ, как его пальцы расстёгивают пуговицы камзола, как обнажаются его плечи — бледные, покрытые тонкими шрамами, которые белели на коже, словно следы древних битв.

Он был прекрасен и страшен. Его тело было мускулистым, но худым, словно он недоедал. На его груди, прямо над сердцем, была странная руна, которая светилась тусклым синим светом. Он поймал её взгляд и усмехнулся.

— Знак моего проклятия, — сказал он. — Каждая ночь, каждое воскрешение оставляет след.

Она хотела прикоснуться к нему, но он перехватил её руку.

— Нет, — сказал он. — Сначала я прикоснусь к тебе.

Он провёл пальцами по её шее, по ключицам, по краю платья. И в каждом его движении была власть, но не жестокость. Он словно изучал её, как карту, которую нужно запомнить наизусть.

— Разденься, — приказал он, и его голос звучал как отдалённый раскат грома.

Она медленно сняла платье, чувствуя, как воздух касается её кожи. Он смотрел на неё, не отрываясь, и в его взгляде не было похоти. Было что-то большее — почти благоговение.

— Ты прекрасна, — сказал он. — Ты даже не представляешь, как ты прекрасна.

Она хотела что-то ответить, но он приложил палец к её губам.

— Молчи, — прошептал он. — Просто чувствуй.

Он притянул её к себе и поцеловал. Его губы были холодными, но в этом холоде было столько страсти, что у неё закружилась голова. Он целовал её жадно, как тот, кто боится, что это последний раз. И она целовала его в ответ, забывая обо всём — о своём прошлом, о своей ненависти, о том, что он был монстром. В этот момент он был просто мужчиной, который искал тепло.

Он уложил её на шёлк и склонился над ней. Он провёл пальцами по её груди, по животу, по бёдрам, и в каждом его прикосновении была сила, которая парализовала и возбуждала одновременно. Он нашёл в её теле такие места, о которых она сама не знала, и она чувствовала, как её тело откликается на него, как руки сами тянутся к нему, как её дыхание сбивается, и она больше не знает, где заканчивается она и начинается он.

Он был властным. Он говорил, что делать, и она подчинялась, потому что хотела этого. Он был грубым, но в этой грубости была такая нежность, что она чувствовала, как её душа раскрывается навстречу ему. И в какой-то момент она поняла: он не просто хочет её тело. Он хочет её душу. Он хочет, чтобы она принадлежала ему полностью, без остатка, и она готова была отдать себя, потому что впервые в жизни чувствовала, что кто-то действительно нуждается в ней.

Когда всё закончилось, они лежали на шёлке, и она чувствовала его руку на своей талии. Он не говорил ни слова, но его дыхание согревало её затылок.

— Ты останешься здесь? — спросила она, едва слышно.

— Я всегда здесь, — ответил он. — Это моя комната, моя кровать, моя тьма. А теперь и ты здесь.

Она прикрыла глаза и почувствовала, как по щеке скатывается слеза. Она не плакала от боли или страха. Она плакала от того, что он был прав. Она хотела этого. Она хотела его. И это пугало её больше, чем его магия или его прошлое.

— Я не знаю, что это, — прошептала она. — Но я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Он не ответил, но его рука сжала её талию чуть сильнее. И это было больше, чем слова.

Глава 4 Теневой дозор

Утро пришло серое, как всегда в Некрополе. Элиана открыла глаза и почувствовала, что она не одна. Тёплая тяжесть на её талии — его рука, всё ещё лежащая на ней, как будто он боялся отпустить даже во сне. Она повернула голову и увидела его лицо — безмятежное, почти спокойное, без той маски холода, которую он носил наяву. В этот момент он был просто мужчиной, который устал быть сильным.

Она не знала, сколько времени они провели вместе в этой постели. Часы, минуты — всё слилось в один бесконечный миг, где не было страха, где не было ненависти, где была только она и он. Она помнила, как его пальцы касались её кожи, как его дыхание становилось прерывистым, как он шептал её имя, словно молитву. И в этот момент она поняла, что ненависть, которую она носила в себе восемь месяцев, исчезла. Осталось только одно — желание быть рядом.

Она осторожно приподнялась, стараясь не разбудить его, но он открыл глаза мгновенно. Его серый взгляд встретился с её, и она увидела в нём ту же пустоту, что и раньше, но теперь в этой пустоте горел слабый огонёк. Он смотрел на неё так, как смотрят на чудо, которое не могут объяснить.

— Ты ещё здесь, — сказал он, и в его голосе было удивление.

— Я обещала, что останусь, — ответила она, касаясь его щеки кончиками пальцев. — Я не нарушаю обещаний.

Он перехватил её руку, прижал к своим губам и поцеловал. Холодный, но нежный поцелуй, от которого у неё перехватило дыхание.

— Ты должна знать, — сказал он, отпуская её руку, — это ничего не меняет. Я всё ещё тот же человек. Я всё ещё монстр, который поднимает мёртвых и не помнит своего прошлого. Я не могу дать тебе то, что ты ищешь.

— Я не ищу ничего, — ответила она, глядя ему прямо в глаза. — Я просто хочу быть рядом. Я хочу понять тебя. Я хочу увидеть того, кто скрывается за этой тьмой.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было насмешки. Была грусть.

— Ты слишком наивна, — сказал он. — Но, возможно, именно это мне и нужно.

Он встал с кровати, и она увидела его тело — мускулистое, худое, покрытое шрамами и таинственными рунами, которые светились тусклым синим светом. Он надел чёрную рубашку, затем камзол, и снова стал тем повелителем Некрополя, которого все боялись.

— Сегодня у меня будут дела, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты можешь исследовать замок, если хочешь. Но не спускайся в подземелья. Там опасно.

— Я знаю, — ответила она. — Я уже была там.

Он резко повернулся, и в его глазах вспыхнул гнев.

— Ты ослушалась меня? — спросил он, и его голос стал низким, угрожающим.

— Я не знала, что это запрещено, — спокойно ответила она. — Я просто хотела понять этот мир. Ваш мир.

Он подошёл к ней, и на мгновение она испугалась. Его лицо было жёстким, глаза горели серебряным светом. Он схватил её за плечи и притянул к себе.

— Ты не понимаешь, что там внизу, — сказал он, и его голос был почти шёпотом. — Там есть вещи, которые даже я боюсь. Если ты когда-нибудь спустишься туда снова, я не смогу тебя защитить. Ты понимаешь?

Она кивнула, чувствуя, как его пальцы впиваются в её плечи. Она видела страх в его глазах — настоящий, неподдельный страх. Он боялся не за себя. Он боялся за неё.

— Я больше не буду, — сказала она. — Я обещаю.

Он отпустил её и отвернулся. Она чувствовала, как его дыхание становится ровнее, как он успокаивается.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь иди. У меня есть дела.

Она вышла из его покоев, чувствуя, как её сердце бьётся быстрее, чем обычно. Она не знала, что именно произошло между ними этой ночью, но она знала, что что-то изменилось. Он был уже не просто хозяином, а кем-то большим. Кем-то, кому она хотела принадлежать.

Следующие дни она провела, исследуя замок. Она нашла библиотеку, в которой было тысячи книг — старых, пыльных, на языках, которые она не знала. Она находила залы, которые были заперты, и она слышала, как за ними кто-то дышит. Она видела скелетов, которые выполняли работу слуг — они носили воду, убрали, стояли на страже. Они не причиняли ей вреда, но она чувствовала, что они наблюдают за ней. Она была чужачкой в этом мире.

Однажды вечером она сидела в малом зале, читая книгу о древних королевствах, когда в дверь вошёл он. Он выглядел уставшим — его глаза были красными, под ними залегли тёмные круги.

— Ты не спишь, — сказал он, садясь напротив неё.

— Я ждала тебя, — ответила она.

Он усмехнулся:

— Ты всегда ждёшь меня?

— Всегда, — сказала она, и это была правда.

Он смотрел на неё долго, изучая её лицо, как будто пытался найти ответ на вопрос, который мучил его.

— Я хочу показать тебе кое-что, — сказал он наконец. — Но ты должна обещать, что не испугаешься.

— Я не боюсь тебя, — сказала она.

— Я не о себе.

Он встал и протянул ей руку. Она взяла её, чувствуя холод его пальцев. Он повёл её через коридоры, вниз по лестницам, мимо залов, которые она никогда не видела. Они спустились в подземелья — не в те, где были камеры, а в те, которые были скрыты глубоко под землёй, где воздух был тяжёлым, а стены были покрыты рунами, которые светились синим светом.

Он остановился перед огромной железной дверью, которая была заперта на семь замков. Он приложил руку к двери, и замки начали открываться один за другим, словно по волшебству. Дверь отворилась, и она увидела то, что скрывалось за ней.

Это была комната, полная черепов. Тысячи черепов — человеческих, животных, каких-то других существ, которых она не могла опознать. Они были сложены в пирамиды, на стенах висели гирлянды из костей, и в центре стоял огромный череп дракона, который светился изнутри.

— Это моя коллекция, — сказал он, не глядя на неё. — Каждый из этих черепов — это жизнь, которую я спас. Или разрушил. Я не знаю. Я просто собираю их, потому что они напоминают мне о том, что я — часть чего-то большего.

Она стояла в центре этой комнаты, чувствуя, как её сердце замирает. Это было не страшно. Это было величественно.

— Зачем ты привёл меня сюда? — спросила она.

— Потому что я хочу, чтобы ты знала меня настоящего, — ответил он. — Со всей моей тьмой, со всей моей болью. Если ты хочешь быть со мной, ты должна принять это.

Она подошла к нему и обняла его. Его тело было холодным, но она чувствовала, как он дрожит.

— Я принимаю тебя, — сказала она. — Я принимаю всё.

Он обнял её в ответ, и в этот момент она поняла, что он не просто монстр. Он был человеком, который был сломлен. И ей нужно было время, чтобы его исцелить.

Глава 5 Побег

Прошло ещё две недели. Элиана привыкла к ритму жизни в Некрополе — к серому небу, к холодным коридорам, к теням, которые двигались по стенам, когда никто не смотрел. Она привыкла к его присутствию — к тому, как он появлялся внезапно, как его глаза находили её в любой толпе, как его холодные пальцы касались её руки, когда никто не видел.

Они проводили вместе каждую ночь. Он не был нежным — он был грубым, властным, требовательным. Но в его грубости была такая глубокая потребность, что она чувствовала себя не жертвой, а соучастницей. Она позволяла ему всё, потому что знала: это единственный способ пробиться сквозь его броню. Он не умел говорить о чувствах, но он умел выражать их через прикосновения, через дыхание, через то, как его руки сжимали её тело, словно он боялся, что она исчезнет.

Но в ней росло беспокойство. Она видела, как он мучается по ночам — он ворочался, стонал, просыпался в холодном поту, и его глаза были полны ужаса. Он не рассказывал ей о своих снах, но она догадывалась, что они связаны с его прошлым — с тем огнём, который сжёг его, с той болью, которую он носил в себе.

Однажды утром, когда он ушёл по делам, она решила, что больше не может просто ждать. Ей нужно было что-то сделать. Ей нужно было найти способ помочь ему вспомнить. Она вспомнила о библиотеке, где видела старые книги о магии памяти, о ритуалах возвращения прошлого. И она отправилась туда.

Библиотека находилась на втором этаже, в восточном крыле замка. Элиана провела там несколько часов, перебирая книги, читая страницы, которые были такими старыми, что бумага рассыпалась у неё в руках. Она искала что-то, что могло бы дать ей ключ к его памяти.

И она нашла это. Книга в чёрной кожаной обложке, без названия, с рунами на первой странице. Она открыла её и прочитала: «Ритуал Возвращения — способ восстановить утраченные воспоминания через разделение боли. Цена — память того, кто проводит ритуал, или его жизнь».

Элиана почувствовала, как холодок пробежал по спине. Она знала, что это опасно, но она знала и то, что он никогда не согласится на этот ритуал, если она скажет ему о цене. Он скорее умрёт, чем позволит ей рисковать собой ради него.

Она спрятала книгу под плащ и пошла обратно в свою комнату. Она решила, что проведёт ритуал тайно, когда он будет спать. Она боялась, но она знала, что это единственный способ помочь ему исцелиться.

Но её плану не суждено было сбыться. Когда она проходила через главный зал, она увидела его. Он стоял у камина, и его лицо было бледнее обычного. В его руках был пергамент — письмо, которое он только что прочитал.

— Что это? — спросил он, указывая на книгу, которую она держала под плащом.

— Ничего, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Ты лжёшь, — сказал он, подходя ближе. — Я вижу это. Я всегда вижу, когда ты лжёшь.

Он выхватил книгу из её рук, и его глаза пробежали по страницам. Его лицо стало ещё бледнее.

— Ты хочешь провести ритуал, — сказал он, и его голос был ледяным. — Ты хочешь рискнуть своей жизнью ради меня.

— Это единственный способ помочь тебе, — сказала она, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. — Я хочу, чтобы ты вспомнил, кто ты. Я хочу, чтобы ты исцелился.

— Ты не понимаешь, — сказал он, и в его голосе была такая боль, что у неё перехватило дыхание. — Если я вспомню, я могу потерять себя. Я могу стать тем, кем был раньше. Я могу стать хуже, чем сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.